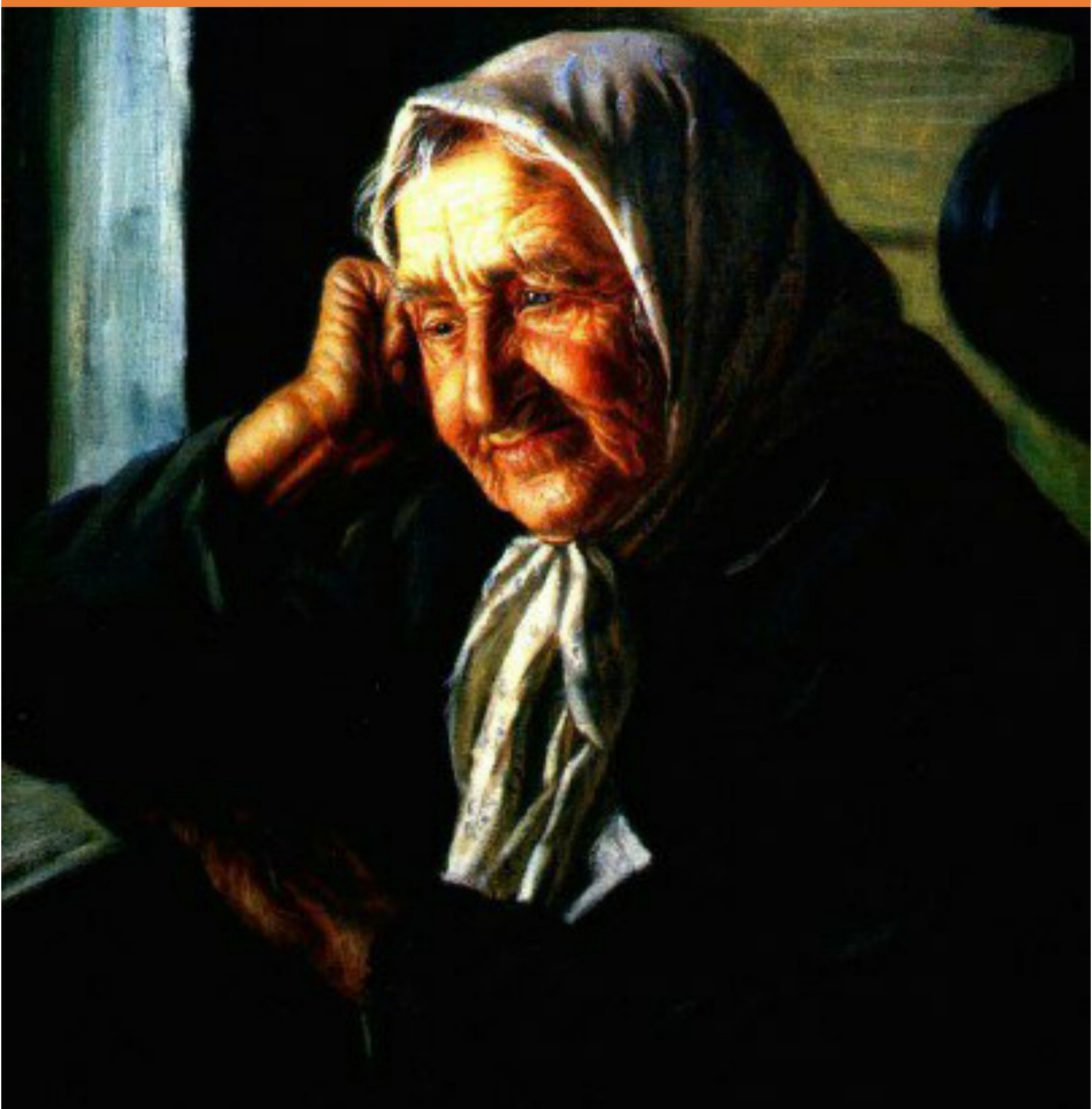

Наталья Рудой

Мать

Наталья Рудой

Мать

«ЛитРес: Самиздат»

2018

Рудой Н.

Мать / Н. Рудой — «ЛитРес: Самиздат», 2018

Рассказ об одном дне старушки-матери, вместившем в себя всю жизнь. Авторство изображения на обложке: А. Шилов.

Баба Маня, женщина восьмидесяти пяти лет с морщинистым оплывшим от старости лицом, обрамлённым седыми волосами, виднеющимися из-под белого платка с цветами, сидела, оперевшись локтями на обеденный стол, застеленный клеёнкой с синими и жёлтыми цветами, и смотрела в окно. Она всматривалась в даль, за поле, туда, где в километре от её дома на остановку должен был с минуты на минуту подойти автобус, на котором из города обещался приехать её сын Митька. На столе стояла тарелка с горячими толстыми оладьями и миска с толчёной свежей клубникой – любимое лакомство сына ещё с детства.

«А на обед котлеты пожарю. Или мясо потушу с картошкой. Спрошу у него, что лучше. Скажу: «На обед что готовить?», а он ответит: «Что хочешь». Тогда скажу: котлеты пожарить или мясо потушить?» Наверное, мясо захочет. Или котлеты», – думала она, пока пыталась разглядеть чёрные точки, появившиеся на дороге в конце поля.

Дом бабы Мани стоял практически на краю небольшой дереvушки, вытянувшейся вдоль узенькой неглубокой речки Колушки. За полосой домов, стоящих на берегу, начиналось поле, которое в этом году было засеяно овсом. Зелёный бархат молодой травы по диагонали пересекала тёмно-коричневая полоса дороги, ведущей к асфальтированной трассе.

Закрыв один глаз, который практически не видел, чтобы лучше было видно тем, на котором недавно сделали операцию и который теперь видел лучше, чем тридцать лет назад, баба Маня всматривалась в поле, туда, где точки, увеличившись в размерах, превратились уже в три фигуры. Два человека шли впереди вместе, это точно не мог быть Митька, а третий шёл шагах в тридцати позади пары. Походку сына, чуть подпрыгивающую, с широким шагом, мать узнала бы из миллиона других. Но мужчина, идущий от остановки, шёл медленно, осторожно ставя ноги. «Не он», – мелькнуло в голове старушки.

Пара, идущая впереди, свернула с поля к дому ещё в середине деревни, а мужчина, шедший сзади, подошёл практически к дому бабы Мани и свернул на свой огород, к дому. Баба Маня видела, что это был сосед, Витька Карасёв. Видела она и то, что по полю больше никто не шёл, а, значит, Митька не приехал. Следующий автобус должен был прийти через два часа. Баба Маня, оперевшись о стол руками, подняла своё тяжёлое тело со стула, и, переждав привычное уже потемнение в глазах от смены позы, накрыла полотенцем оладьи, привычным движением поправила платок и медленно двинулась в комнату.

Дом, в котором жила Марья Осиповна уже не меньше тридцати лет, был куплен ею с мужем, когда они оба вышли на пенсию. С тех пор они больше не переезжали и жили в деревне практически без выезда. Дому было уже лет сто, эта была обычная русская изба с кухней и большой, наполовину разделённой перегородкой, комнатой. В лучшие годы, когда вся семья, с детьми, с внуками, человек по двенадцать, собиралась здесь, места хватало всем. Поэтому и мебель в доме состояла, в основном, из кроватей – чтобы всем гостям всегда хватало спальных мест. Кровати, кушетки, диваны, оттоманки стояли по стенам комнаты и лишь при входе в углу Митькой был сделан стеллаж – деревянные полки, закрытые занавеской, к которому прислонялся старый лакированный шкаф с кривыми дверцами. И в этой же половине комнаты, между двумя окнами, стоял стол с телевизором.

Теперь кровати в таком количестве были уже не нужны: мужа не стало уже десять лет назад; дочь, приезжавшая каждую неделю, чтобы привезти продукты, никогда не оставалась на ночлег; внуки бывали редко. Дом пришёл в запустение. Многие кровати в дальней половине комнаты были завалены всяким хламом, который везли из города: старой детской одеждой, игрушками, одеялами, даже детской мебелью – при виде которого Марья Ивановна чувствовала себя уже не хозяйкой в своём доме.

Баба Маня села на стул, стоящий перед телевизором, так и не включив его и задумавшись о своём. «Всё из-за Таньки. Она его в городе держит», – думала она. Танька была сожительницей сына. Лет десять назад из-за его буйных, скандальных пьянок от него ушла жена, Митька несколько раз пытался завести новую семью. Но с непьющими домашними женщи-

нами он надолго не задерживался, да и они, пару раз увидев его с оплывшим лицом, услышав несмолкаемую грязь о всех тех, кто его окружал, оставляли его, предпочитая жить в одиночестве, чем с теми демонами, которые тихо существовали в Митьке, пока он был трезвый, и вылетали наружу на спиртовых парах. С Татьяной, с которой он познакомился в каком-то притоне, Дмитрий жил последние четыре года. Всё это время прошло для него в зверском, алкогольном угаре с голодом, драками, спиртом, купленным в том же подъезде; в квартире без света, отключенным за неуплату, с какими-то подобранными грязными собаками, такими же голодными и злыми, как те, кто их приютил. Дети, как и все родственники, оставили его, каждый жил своей жизнью, и единственный человек, у которого не переставала болеть душа о нём, была его мать. К ней он, худой, с вечно зажатой в сутулости спине, с трясущимися руками, постоянно перебирающими что-то пальцами, приезжал отдохнуть от той грязи, в которой жил в городе и которая, как болото, затягивала его с каждым годом всё глубже.

До пенсии ему оставался ещё год, работал он не дольше двух недель в полгода: как только получал аванс, сразу уходил в запой и не выходил из него месяцами. Поэтому к матери Митька чаще всего приезжал тогда, когда совсем нечего было есть. Мать пару дней откармливала сына, отпаривала в бане, и после этого, когда он уходил, смотрела в окно ему вслед, когда он, с полными сумками огородных припасов и значительной частью тех продуктов, которые привозила Марья Осиповна дочь, шёл по полю от неё.

* * *

Входная дверь скрипнула, и баба Маня вздрогнула. «Митька», – пронеслось в голове, но в ту же секунду она услышала знакомый старчески-ослабленный голос Полины, своей подруги, которая жила в паре домов от неё.

– Можно? – и, по деревенскому обычаю, не дождавшись ответа, маленькая ссохшаяся фигурка бабы Поли ступила на кухню, служившую у дверей коридором.

Марья Осиповна поднялась со стула, пошла навстречу гостье. Разочарование от того, что гость этот был не тот, кого она ожидала, быстро сменилось мыслью, что с Полиной не так тяжело пройдут ближайшие полчаса ожидания.

– Заходи, заходи, – отозвалась Марья Осиповна, и Полина мелкими медленными шажками, не отрывая ног от пола, зашаркала к большому столу у окна, за которым полчаса назад сидела хозяйка дома, которая, обогнав гостью, уже снимала полотенце с оладий. – Чай будешь?

Бабе Мане приходилось громко, почти крича, говорить с подругой, которая практически полностью была глуха.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.